

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

**ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ
СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ И АМЕРИКИ:
ПАМЯТНИКИ, КУЛЬТУРЫ, ТРАДИЦИИ**

Санкт-Петербург
2014

С. Н. Лисицын

ИИМК РАН, Санкт-Петербург

О ВАРИАБЕЛЬНОСТИ ГРАВЕТТИЙСКОГО ЭПИЗОДА НАКАНУНЕ ПОСЛЕДНЕГО ЛЕДНИКОВОГО МАКСИМУМА: ВЗГЛЯД ИЗ КОСТЕНОК

(при поддержке грантов РГНФ № 13-01-00292а, №12-01-00345а и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре»)

Восточноевропейские памятники граветта со своеобразным типологическим набором каменного и костяного инвентаря, а также яркими примерами искусства и самобытным домостроительством могут считаться визитной карточкой для палеолита Русской равнины — не в меньшей степени, чем, например, поздневалдайские комплексы мезинского облика с собственным набором культурных атрибутов. Многолетние исследования, проводившиеся на наиболее известных граветтийских стоянках, таких как Костенки 1, Авдеево, Хотылево 2, Гагарино, а в последние годы Зарайск, позволяют рассматривать проблему комплексного происхождения, развития и исчезновения групп граветтийского населения 23—17 тыс. л. н. на рубеже средней и поздней поры верхнего палеолита в контексте важнейшего климатического события (рис. 1). Центральным моментом этого промежутка времени может считаться экстремум последнего ледникового максимума 19—18 тыс. л. н., который, по большому счету, и определяет дискретность в археологической периодизации [Лисицын, 1999]. Если по вопросу о происхождении восточноевропейского граветта на Русской равнине у большинства исследователей практически не осталось сомнений — граветтийский эпизод ассоциируется с миграцией населения со стороны Центральной Европы (виллендорфско-костенковский феномен), — то по поводу трактовки культурных связей внутри самой граветтийской общности, а также интерпретации исторических судеб населения имеется значительное разнообразие мнений. Дискуссия о статусе археологической культуры или культурной общности «восточного граветта», территориально охватывавшего современные территории Австрии (Виллендоф 2/IX), Моравии (Петржковице), Южной Польши (Краков-Спадзиста), Среднего Поднепровья (Бердыж, Авдеево) и Дона (Костенки 1/1, 13, 14/1, 18 и др.), а также бассейна Оки (Зарайск), так и не привела к выработке однозначных решений о последовательности и внутреннем развитии данной общности [Булочникова, 1998].

Кроме того, среди относительно синхронных памятников накануне ледникового максимума на Русской равнине известны комплексы, относящиеся к граветтийскому технокомплексу, но не принадлежащие к «восточному граветту». Таковыми из числа надежно

датированных могут считаться, например: Молодова 5/VII на Днестре, Хотылево 2 и Пушкари 1 на Десне, Гагарино на Дону, ряд многослойных стоянок с граветтийскими слоями в Костенках. В последние годы открыты новые граветтийские памятники, также не вписывающиеся в виллендорфско-костенковскую индустрию, такие как Борщево 5, Трояново 4, Озерово и др. [Лисицын, 2004; Залізняк и др., 2007; Залізняк, Ветров, 2011].

Культурно-хронологическая позиция таких памятников относительно «восточного граветта» не вполне ясна, и прежде всего потому, что в отличие от последнего они не обладают типологической монолитностью: каждый из комплексов фактически уникален по набору признаков и не имеет полных аналогов ни в каменной, ни в костяной индустрии, не говоря уже об искусстве и домостроительстве. При этом такие памятники вместе с костенковско-авдеевскими относятся, без сомнения, к единому граветтийскому технокомплексу — по наличию высокоразвитой пластинчатой техники расщепления и широкому применению орудий с приутпленным краем.

Классификацию наиболее представительных граветтоидных комплексов по степени типологической близости произвел Х. А. Амирханов (1998). На кластерной дендрограмме, построенной на основании характеристик ведущих типов орудий (наконечники с боковой выемкой, листовидные наконечники и ножи костенковского типа), памятники фактически сгруппировались попарно. Так, Х. А. Амирхановым были выделены костенковско-авдеевская, хотылевско-гагаринская, костенковско-борщевская и костенковско-александровская группы. Но среди всех рассмотренных лишь собственно костенковско-авдеевские памятники могут рассматриваться как однокультурные. Вариативность инвентаря остальных граветтоидных комплексов, даже на уровне ведущих типов орудий, не позволяет построить периодизацию внутри граветтийской общности, от чего в свое время отказался и Г. П. Григорьев [Григорьев, 1998]. Радиоуглеродная хронология, особенно с учетом разброса старых датировок, также, к сожалению, не помогает в данном вопросе.

Двухчастную периодизацию граветтийских памятников на Украине безотносительно к рассмотрению

вопросов культурогенеза предложил Д. Ю. Нужный, разделив восточноевропейский граветт на раннюю 30—26 тыс. л. фазу (Межигирцы, Молодова 5/IX-X, Оселивка 1/III-II, Вороновица 1/II) и позднюю 25—22 тыс. л. н. (Молодова 5/VIII-VII; Кормань 4/VII-VI; Молодова 1/I; Вороновица 1/VI; Бабин 1). Украинский исследователь при этом отметил отличия местных комплексов от костенковских и от Гагарино и сходство их на поздней фазе с павловскими памятниками Моравии и Хотылево 2 на Десне [Nuzhnyi, 2009].

М. В. Аникович в последние годы переосмыслил разработанное Г. П. Григорьевым понятие культурного единства в контексте субпараллельного развития из одного дунайского корня двух вариантов центрально-европейского граветта на Русской равнине: «виллендорфско-костенковско-зарайского» и «павловско-хотылевско-гагаринского» — в общих хронологических пределах 24—16 тыс. л. н. [Аникович и др., 2008. С. 175]. При этом в рамках граветтского технокомплекса им дополнительно обосновано существование на Дону аносовско-гмелинской археологической культуры (Костенки 11/II, Костенки 21/III, Костенки 5/III) с радиоуглеродными датировками 22—21 тыс. л. н. Кроме того, к поздним граветтоидным памятникам с выраженными ориньяжскими чертами в Костенках отнесены Костенки 4/I, Костенки 9 и Борщево 5/I. Особняком, согласно М. В. Аниковичу, стоят также позднеграветтский комплекс Костенки 4/II и раннеграветтский Костенки 8/II. Последний памятник, традиционно считаемый наиболее древним (27 тыс. л. н.) для Костенок с аналогиями в средиземноморском граветте типа Пагличчи [Бессуднов, 2005; Sinitsyn, 2007], также получил недавно серию омоложенных датировок 23—25 тыс. л. н. (не опубликованы: персональное сообщение Д. Ф. Хоффера).

Таким образом, культурная вариабельность восточноевропейского граветта в Костенках является в настоящее время наиболее сложным вопросом, требующим дальнейшего изучения. Необходимо отметить, что, в отличие от разработанной тематики виллендорфско-костенковских комплексов, хронология которых и вектор расселения по распространению известных памятников рассматривались неоднократно, проблематика павловьена, вновь вынесенная на повестку дня, остается уязвимой с источниковедческой точки зрения. Согласно мнению М. В. Аниковича, Хотылево 2 и Гагарино имеют прямые аналогии в павловском варианте граветта [Аникович, 1998], однако детальной проверки этой гипотезы с технико-типологическим сопоставлением индустрий по памятникам не проводилось. Общий для павловской и хотылевской и гагаринской индустрий прием вентрального плоского ретуширования концов микроорудий и острий, а также минимальное присутствие восточногограветтских элементов (ножи костенковского типа, наконечники с боковой выемкой) может указывать лишь на направление поиска генетических связей или объяснение их контактов, на что уже указывал К. Н. Гаврилов [Гаврилов, 2004; 2008]. Отличий здесь от павловского набора тоже достаточно, особенно учитывая неоднород-

ность самого «павловьена»: павловские острия, геометрические микроорудия и пилки определяют облик лишь моравских памятников [Svoboda, 2004] и на нашей территории в едином сочетании неизвестны. Датировки, полученные в последнее время для павловских комплексов Виллендорф 2/VI-VIII, Дольни Вестонице, Павлов 1 и Пржедмости, показали возраст 27—25 тыс. л. н. [Haesaerts et al., 1996; 2004; Joris & Weninger, 2004] — несколько древнее, чем рассматриваемое время. Вопрос о хронологическом и культурно-генетическом соотношении наиболее поздних павловских памятников с C14 датами от 25 тыс. л. н. и чуть моложе, в частности Миловице и Ярошов, и стоянок виллендорфско-костенковского облика (Виллендорф 2/IX, Петржковице, Мораваны, Краков-Спадзиста), датируемых 23—21 тыс. л. н., еще окончательно не решен [Svoboda, 2007].

Граветтский комплекс стоянки Борщево 5 на Дону, не находящий аналогий в рамках граветтского эпизода (23—21 тыс. л. н.) среди территориально близких костенковско-авдеевских комплексов, также имеет перспективу определения культурных связей с Центральной Европой [Лисицын, 2011]. Памятник в верхнем культурном слое содержит 2 стратиграфически отделенных друг от друга стерильной прослойкой горизонтов, идентичных с технико-типологической точки зрения и относящихся к одной культурной традиции в пределах серии C14 датировок 22—17 тыс. л. н. [Лисицын, 2011]. Наиболее полным аналогом данному комплексу следует признать стоянку Бирючий Лог — Костенки 9 и культурный горизонт Ia на Тельманской стоянке (Костенки 8), возможно, являющийся ее периферией [Лисицын, 2004. С. 71; Аникович и др., 2008. С. 169]. Стоянка Костенки 9 еще мало изучена и пока не имеет абсолютных дат [Палеолит... 1982. С. 109—113; Літоучанка, 1966], но приуроченность ее культурного слоя к верхам лессовидного суглинка и типологический набор представительного каменного инвентаря, находящего полные аналогии на Борщево 5, позволяют говорить об их геологической синхронности, а также однокультурности. У обоих комплексов полностью совпадают особенности первичного расщепления, направленного на получение тонких (но не микролитовидных) правильных пластин и микропластин с одноплощадочных призматических нуклеусов, в том числе с торцово-клиновидных. Среди орудий Борщево 5 и Костенки 9 преобладают микропластинки с притупленным краем — прямоугольники и мелкие граветтские острия симметричных и асимметричных очертаний (те же микрограветты и флешетты). Причем для данного микроинвентаря характерно повсеместное вентральное оформление концов, даже для их заготовок (пластинок без обработки на краях). В целом аналогичны и не составляющие единообразной группы резцы на крупных и средних пластинах, среди которых представлены угловые, ретушные и двугранные. Скребки выполнены на пластинах и на отщепках, часто имеют ретушированные края — как субпараллельные, так и сходящиеся к основанию. Выразительна группа крупных листовидных острий на пластинах со сплош-

ной краевой ретушью, а также серия проколов и долотовидных изделий на отщепах. Показательно присутствие обломков сланцевых дисков и граненых изделий из того же мягкого сланца со следами обработки шлифовкой. За исключением ножей костенковского типа и наконечников с боковой выемкой, которые единичными и несерийными формами представлены на Борщево 5, оба комплекса абсолютно идентичны.

М. В. Аникович отмечает отдельные ориньякоидные элементы в этой в целом граветтийской по облику индустрии. В частности, он усматривает использование «ориньякской» краевой ретуши на скребках и остриях, а среди орудий особо выделяет мелкие долотовидные изделия городцовского типа [Аникович и др., 2008. С. 169]. Однако контурная обработка орудий на пластинчатых изделиях, а также наличие мелких чешуйчатых орудий при абсолютной лакуне иных ориньякских форм (выемчатых пластин, скребков высокой формы, дюфуров и др.) едва ли может свидетельствовать о каком-то позднеориньякском наследии. Из предшествующих по времени индустрий ориньякоидного (Костенки 1/III, Костенки 8/I) и городцовского (Костенки 12/I, Костенки 14/II, Костенки 15) облика набор орудий Борщево 5 вывести практически невозможно, даже простым объединением разнородных признаков, поэтому указанные черты свидетельствуют о самостоятельной специфике комплекса на фоне родственных в культурном отношении памятников граветтийского круга.

Другой близкой аналогией Борщево 5/I можно считать материалы стоянки Костенки 4 (Александровская стоянка), исследовавшейся в 1920—1930-е гг. С. Н. Замятниным, П. П. Ефименко и особенно подробно А. Н. Рогачевым. Памятник двухслойный, причем оба культурных слоя со слабо углубленными жилищами разных типов оказались наложены друг на друга и лишь на двух участках были расчленены А. Н. Рогачевым стратиграфически. Датировки С14 определений 22 и 23 тыс. л. н. относятся к обоим нерасчлененным слоям. Материалы раскопок в полной мере опубликованы монографически [Рогачев, 1955], что избавляет от их детального описания. Каждый из культурных слоев Костенки 4 был отнесен к отдельной индустрии, не имеющей прямых аналогов [Палеолит... 1982]. Парадоксальным образом аналогии комплексу Борщево 5/I прослеживаются в инвентаре обоих культурных слоев сразу. Для верхнего слоя Костенки 4 в борщевской индустрии находят соответствие микроострия с вентральным оформлением основания, крупные листовидные острия на пластинах, в том числе александровского типа (острия-резцы), а также шлифованные предметы из сланца (в обломках представленные и в Борщево 5, и в Костенках 9). В нижнем культурном слое Костенки 4 обращают на себя внимание аналогичные борщевским долотовидные изделия (в том числе на пластинках), микропластинки с притупленным краем — острия и четырехугольники. Особняком на Костенках 4 стоят единичные предметы: крупный бифасиальный остроконечник и атипичный наконеч-

ник с боковой выемкой из верхнего слоя, а из нижнего — асимметричные треугольники, а также пластинки с притупленным одним и пильчатым другим краями. Однако эти предметы вписываются в характеристики павловской индустрии (Дольни Вестонице, Пршедьмость, Павлов 1).

Следует отметить, что разделение инвентаря на два культурных слоя проводилось А. Н. Рогачевым после окончания раскопок Костенки 4 в камеральных условиях, поэтому чистота каждого из них является относительной. Например, это заметно при категориальном сопоставлении опубликованных данных. Даже при четырехкратно различающемся статистическом весе коллекций верхнего (14,5 тыс. предметов) и нижнего (~60 тыс. предметов) культурных слоев бросаются в глаза их непропорциональные категориальные соотношения. Так, для 1-го слоя Костенки 4 количество резцов (260 экз.) в 1,5 раза превышает их количество для 2-го (158 экз.). А число скребков (76 экз.), напротив, уступает (212 экз.) почти в 3 раза. Все без исключения микропластинки и микроострия с ретушью (404 экз.) отнесены к верхнему слою, а пластинки и острия с притупленным краем (2604 экз.), а также долотовидные орудия (1210 экз.) — только к нижнему.

Во времена раскопок на Костенках 4 А. Н. Рогачева (1937—1938) наличие сразу нескольких культурных слоев на памятнике само по себе было открытием, позволявшим строить периодизацию костенковского палеолита на надежных стратиграфических и археологических основаниях. Александровская стоянка явилась одним из основных памятников, на материалах которого А. Н. Рогачев сумел подвергнуть сомнению стадиальную теорию П. П. Ефименко и разработал новаторскую концепцию археологических культур [Аникович, 2007]. Вместе с тем ему не было еще известно, что могут существовать и идентичные по археологическому материалу культурные горизонты в составе единого культурного слоя. Теперь благодаря дальнейшему углублению методики раскопок (заложенной, собственно, П. П. Ефименко и А. Н. Рогачевым) таковые известны, например, в Зарайске, Пушкинах, Юдиново, Гонцах, Борщево 5, Каменной Балке и на других стоянках. Таким образом, нельзя исключать тот факт, что оба культурных слоя Костенки 4 в совокупности могут относиться к единому граветтийскому слою. В таком случае Костенки 4 составляют вместе с комплексом Борщево 5/I и Костенки 9 еще одну отдельную группу граветта в Костенковско-Борщевском районе. Сомнения в хроностратиграфической гетерогенности верхнего и нижнего слоев на Костенках 4 ранее уже высказывала М. Н. Желтова [Желтова, 2008; 2009]. Косвенное подтверждение этому также можно найти у Н. К. Анисюткина, который раскапывал северный пункт памятника по заданию А. Н. Рогачева в 1959 г. и зафиксировал один-единственный слой с материалами нижнего культурного комплекса Костенки 4, но включивший орудия, характерные и для верхнего слоя: микроострия, микропластинки с мелкой ретушью и вторичные торцовые ядрища [Анисюткин, 2006].

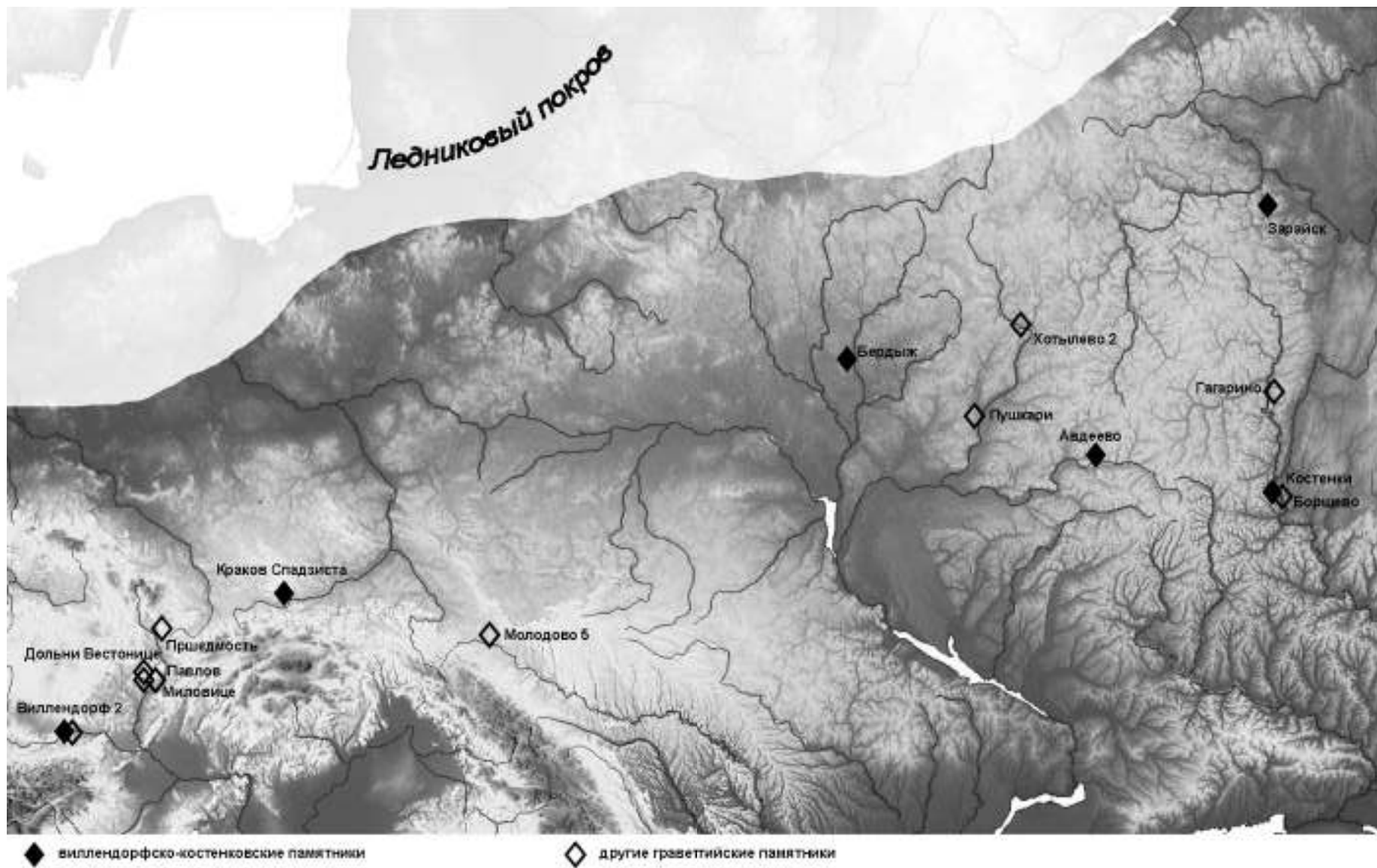

Рис. 1. Основные памятники граветта Центральной и Восточной Европы накануне последнего ледникового максимума (LGM)

Перспективным в плане типологических аналогий представляется сопоставление комплексов типа Борщево 5/1, Костенки 9 и Костенки 4/1-II с хронологически наиболее поздним граветтийским комплексом в павловской последовательности — стоянкой Миловице в Моравии [Milovice... 2009]. Памятник располагается в 3 км от стоянки Павлов 1 на склоне холма в древней балке. Верхний культурный комплекс памятника был атрибутирован граветтом, а нижний — ориньяком. Верхний культурный слой по кости и углю датируется в промежутке от 25,9 до 17,5 тыс. л. н. с основной группировкой дат в пределах 22—24 тыс. л. н. [Milovice... 2009. P. 24]. Верхний культурный слой Миловице дает полный типологический набор, характерный для Борщево 5 и Костенок 4 и 9, хотя и отличается большим типологическим разнообразием (в наших памятниках, например, нет острей типа вашон). Аналогии находкам в Миловице прослеживаются и на других, территориально намного более близких, но не столь ярких, хронологически непосредственно предшествующих ледниковому максимуму памятниках, которые И. А. Свобода считает переходными от граветта к эпиграветту. Так, восточнославянская стоянка Кашов имеет 2 культурных слоя с идентичным Миловице набором типов орудий [Novak, 2004]. По верхнему культурному слою Кашова имеется радиоуглеродная дата $18\ 600 \pm 390$ BP, и он относится к эпиграветту, а нижний с датой $20\ 700 \pm 350$ BP — к финальному граветту, причем наконечники с боковой выемкой отсутствуют как в нижнем, так и в верхнем слое памятника. В Сербии переходный от граветта к эпиграветту комплекс представлен 4-м культурным слоем пещерного памятника Салитрена Печина, в котором также содержится весь перечисленный набор типов инвентаря, в том числе 1 мелкий наконечник с боковой выемкой [Mihailovic D., Mihailovic B., 2007]. Согласно И. А. Свободе, появление таких ранних эпиграветтийских памятников отражает процесс приспособления носителей поздних граветтийских традиций к начинавшемуся пиковому похолоданию в Центральной Европе, которое в Западной Европе спровоцировало распространение бадегульена, а в Восточной Европе — липской культуры [Svoboda, 2007]. Для всех этих индустрий были характерны уменьшение размеров пластин, которые скалывали с призматических одноплощадочных и торцово-клиновидных нуклеусов, микролитизация самих орудий, распространение микрограветтов и флешеттов и постепенное исчезновение граветтийского наследия в виде наконечников с боковой выемкой и ножей костенковского типа. По мнению М. Оливы, появление в Центральной Европе памятников этого круга связано с влиянием средиземноморского эпиграветта и переориентацией местных охотников с мамонта на добычу копытных животных [Milovice... 2009. P. 276].

Таким образом, появление комплексов финального павловьена типа Миловице — индустрии верхнего слоя Борщево 5, Костенок 9, а возможно и Костенок 4 на Дону — на значительном расстоянии от родственных памятников в Центральной Европе демонстрирует

миграционную модель, которая уже была апробирована в виллендорфско-костенковском варианте граветта. Причем распространение в широтном направлении разнокультурных граветтийских индустрий, судя по радиоуглеродным датам, проходило или одновременно, или последовательно, но с минимальным хронологическим разрывом. Удаленные аналогии для ряда восточноевропейских памятников граветта (Пушкари и Ключсы, Костенки 11 и Костенки 21, Хотылево 2 и Гагарино) из-за отсутствия ярких типологических соответствий пока не представляются очевидными. Но для связи Виллендорф—Костенки—Зарайск и Миловице—Борщево 5—Костенки 9 идея параллельного развития двух независимых линий граветта на Русской равнине, похоже, может найти свое подтверждение.

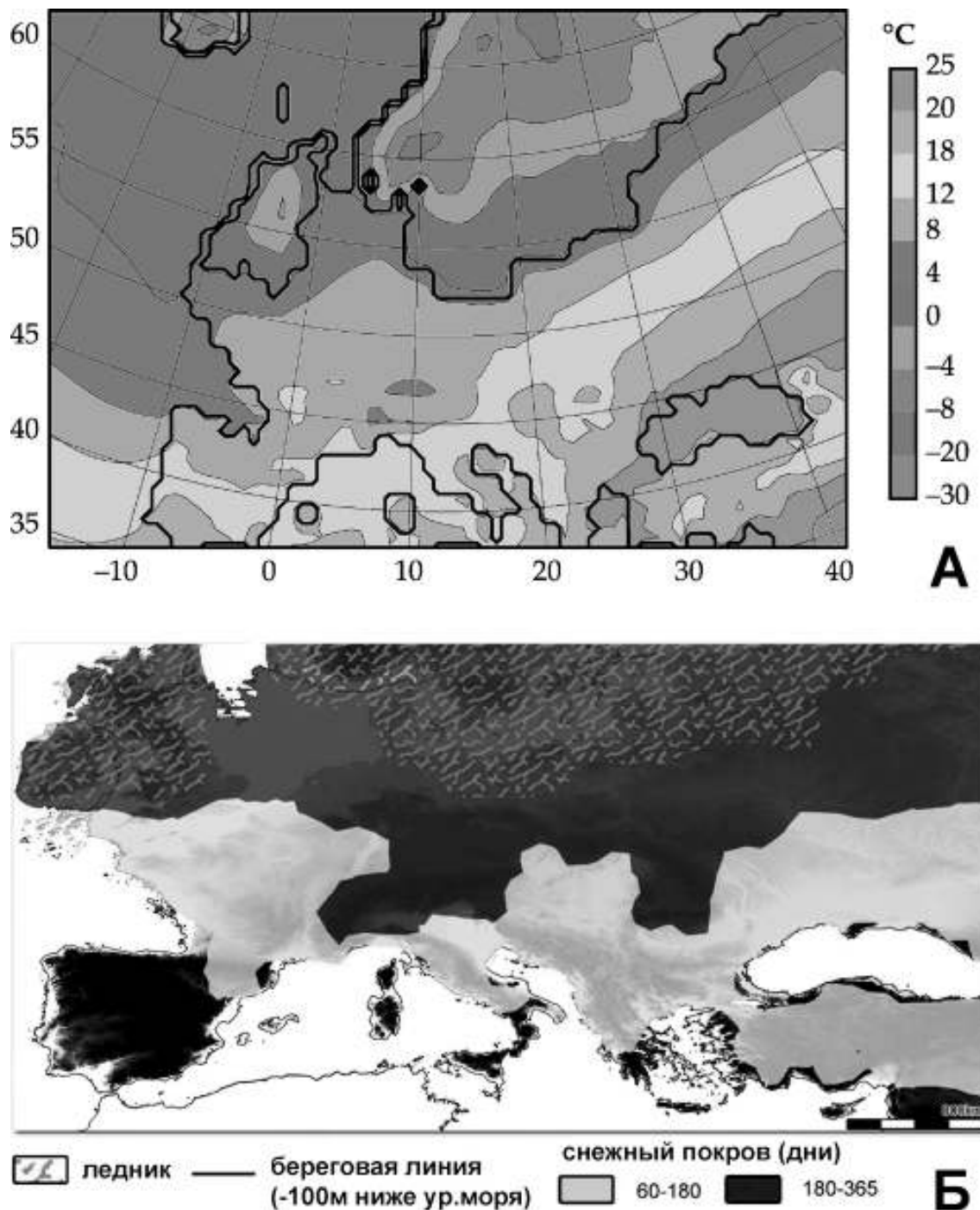
Как видно из приведенных аналогий, большинство граветтийских памятников на Русской равнине, включая их концентрацию в Костенках, ассоциируются с центральноевропейским граветтом в том или ином виде. Данный феномен нуждается в осмыслении независимо от культурной принадлежности древних мигрантов из Подунавья в центр Русской равнины. Безусловно, этот процесс, растянувшийся на тысячелетия, был настолько постепенным, насколько позволяла природная среда.

Экономика граветтийского населения, как считается, была тесно связана с мамонтом [Аникович, 1998; Аникович и др., 2010]. Однако странно было бы полагать, что расселение охотников происходило исключительно по маршрутам перекочевок мамонтовых стад с запада на восток, тем более что сезонные пути миграций животных всегда имеют меридиональный, а не широтный вектор. Аналогичная проблема рассматривалась исследователями финального палеолита, занимающимися изучением памятников с черешковыми наконечниками, носители которых считаются охотниками на северного оленя, расселявшимися в позднеледниковье с побережья Южной Балтики в центр Русской равнины [Лисицын, 2010; 2012]. По-видимому, в условиях присваивающего хозяйства миграции любых человеческих коллективов, целиком зависевших от среды обитания, были связаны с их экологической нишей комплексным образом. Если для охотников эпохи финального палеолита такой эконишей стало формирование пояса лесной растительности на рубеже плейстоцена и голоцена (на первом этапе лесотундра, потом бореальные леса), то для перигляциальных охотников верхнего палеолита такой нишей могла быть тундростепь, которая формируется на Русской равнине непосредственно с началом похолодания ледникового максимума, т. е. с 24 тыс. л. н. [Симакова, Пузаченко, 2008].

Тундростепь — не вполне верное название. Точнее — это была своеобразная перигляциальная саванна. Специфическая природная зона формировалась в перигляциальных районах и в наибольшей степени напоминала экосистему современной африканской саванны с ее почти аналогичным видовым составом фауны (хоботные, непарнокопытные: лошади, носороги, а также бовиды, крупные хищники, включая челове-

ка). Как видно из климатических реконструкций, распространение поясной зоны, соответствующей перигляциальной саванне, как раз охватывает территории от Верхнего Подунавья до бассейна Дона и Оки (рис. 2). Причем, в отличие от современной циркумполярной природной зональности широтного простирания, в ледниковое время (особенно в периоды похолоданий) зональность была циркумгляциальная — опоясывав-

шая Скандинавский ледниковый щит. Именно поэтому перигляциальная саванна протянулась не строго с запада на восток, а с юго-запада на северо-восток. С территории Средней Волги она отклонялась еще далее на север. Локализация граветтийских памятников следует границам такой зональности, что открывает перспективу находок палеолита даже выше Волго-Окского междуречья [Праслов и др., 2011].

Рис. 2. Палеоклиматические реконструкции приледниковой зоны LGM:
 А — моделирование летних температур (по: [Davies, Gollup, 2003]);
 Б — моделирование сплошного снежного покрова (по: [Bradtmöller et al., 2012])

Основные черты перигляциальной саванны — континентальный аридный климат, интенсивная ветровая деятельность и преимущественно эоловое осадконакопление (следствие последнего: выпадение пыли и образование лессовых отложений). Для перигляциальной саванны был характерен интенсивный травостой, обеспеченный естественным компостированием фитомассы и подпиткой продуктами жизнедеятельности крупных травоядных. Все это вместе создавало своеобразную дерновую подушку — температурную изоляцию корневой системы растений от нижележащих вечномерзлых отложений и имело результатом феноменальное разнотравье — основу существования крупных плейстоценовых травоядных [Zimov et al., 2012]. Важная черта, делавшая Русскую равнину накануне ледникового максимума привлекательной средой обитания для человека и животных: в условиях прогрессировавшего похолодания климата существовали малоснежные зимы и умеренно теплые летние сезоны (рис. 2), благодаря которым поддерживался круглогодичный температурно-влажностный баланс экосистемы, когда атмосферные осадки полностью усваивались растительностью, а избыток воды подпитывал вечномерзлую толщу, служившую водоупорной основой для плодородных лессовых почв. При этом мягкий снеж-

ный покров (без характерного для современных отепельных зим образования наста и наледи) способствовал быстрой и продолжительной консервации травяного покрова — круглогодичной кормовой базы мамонтового териокомплекса. По-видимому, формирование столь благоприятной среды обитания притягивало в центральные районы Русской равнины не одну волну переселенцев и не обязательно лишь из Центральной Европы. Устойчивость в технико-типологическом отношении различных вариантов граветтийского технокомплекса, носители которых эксплуатировали общую экологическую нишу, демонстрирует, что родственные группы населения развивали альтернативные культурные традиции, практически не смешиваясь. Именно в уникальном климатическом феномене раннего этапа формирования зоны перигляциальной саванны накануне последнего ледникового максимума нужно искать причины вариабельности восточноевропейского граветта. С началом потепления после 17 тыс. л. н. общая перигляциальная зональность Восточной и Центральной Европы распалась, чем, возможно, объясняется дальнейшее локальное развитие позднелевосточных комплексов с «мамонтовым хозяйством» на Русской равнине.

Список литературы

- Амирханов, 1998: *Амирханов Х. А.* Восточный граветт или граветтоидные индустрии Центральной и Восточной Европы // Восточный граветт. М., 1998.
- Аникович, 2007: *Аникович М. В.* А. Н. Рогачев и «конкретно-исторический подход» в палеолитоведении // РА. 2007. № 4.
- Аникович и др., 2008: *Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И.* Палеолит Костенковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб., 2008.
- Аникович и др., 2010: *Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Платонова Н. И.* Человек и мамонт в Восточной Европе: подходы и гипотезы // *Stratum plus* № 1. Кишинев, 2010.
- Анисюткин, 2005: *Анисюткин Н. К.* Северный пункт стоянки Костенки 4 // Поздний палеолит Десны и Среднего Дона: хронология, культура, антропология. Воронеж, 2005.
- Бессуднов, 2005: *Бессуднов А. А.* Разновидности граветта в Костенковско-Борщевском верхнепалеолитическом районе // Альманах молодых археологов. СПб., 2005.
- Булочникова, 1998: *Булочникова Е. В.* Вчера и сегодня понятия «восточный граветт» // Восточный граветт. М., 1998.
- Гаврилов, 2004: *Гаврилов К. Н.* Типология каменных орудий и культурная принадлежность Хотылевской верхнепалеолитической стоянки // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004.
- Гаврилов, 2008: *Гаврилов К. Н.* Верхнепалеолитическая стоянка Хотылево 2. М., 2008.
- Григорьев, 1998: *Григорьев Г. П.* Отношение восточного граветта к Западу // Восточный граветт. М., 1998.
- Желтова, 2008: *Желтова М. Н.* Этапы изучения Александровской стоянки (Костенки 4) // Хронология, периодизация и кросскультурные связи в каменном веке: Замятинский сборник. Вып. 1. СПб., 2008.
- Желтова, 2009: *Желтова М. Н.* Костенки-4: взаиморасположение объектов в пространстве и времени (анализ культурного слоя) // АЭАЕ. 2009. 2 (38).
- Залізник, Ветров, 2011: *Залізник Л. Л., Ветров Д. О.* Нова граветська стоянка Озерове на Кіровоградщині // Кам'яна доба України. № 10. К., 2011.
- Залізник и др., 2007: *Залізник Л. Л., Степанчук В. М., Ветров Д. О., Товкайло М. Т., Озеров П. І.* Граветська стоянка Троянове 4 під Новомиргородом // Кам'яна доба України. № 10. К., 2007.
- Літоучанка, 1966: *Літоучанка Л. М.* Палеолітична стоянка Біручы Лог (Касценкі IX) // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук 3. 1966.
- Лисицын, 2004: *Лисицын С. Н.* Хроностратиграфия и археология стоянки Борщево 5 по данным раскопок 2002—2003 гг. // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Воронеж, 2004.
- Лисицын, 2010: *Лисицын С. Н.* Климатическая перестройка на рубеже палеолита и мезолита как фактор культурогенеза на северо-западе Восточной Европы // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М., 2010.
- Лисицын, 2011: *Лисицын С. Н.* Граветтийский комплекс стоянки Борщево 5 в Костенковско-Борщевском районе на Дону // Палеолит и мезолит Восточной Европы. М., 2011.
- Лисицын, 2012: *Лисицын С. Н.* Дискуссионные вопросы периодизации финального палеолита и раннего мезолита в Верхневолжье // КСИА. 2012. № 227.
- Палеолит... 1982: Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879—1979 / Ред. Н. Д. Праслов, А. Н. Рогачев. Л., 1982.
- Праслов и др., 2011: *Праслов Н. Д., Недомолкина Н. Г., Желтова М. Н.* Древнейшее заселение Вологодского края //

Тверской археологический сборник. Вып. 8, том 1. Тверь, 2011.

Рогачев, 1955: *Рогачев А. Н.* Костенки IV — поселение древнекаменного века на Дону // МИА. 1955. № 45.

Симакова, Пузаченко, 2008: *Симакова А. Н., Пузаченко А. Ю.* Растительность в максимальное похолодание последнего оледенения (LGM) 24—17 тыс. л. н. // Эволюция экосистем Европы при переходе от плейстоцена к голоцену. М., 2008.

Bradt-moller et al., 2012: *Bradt-moller M., Pastoors A., Weninger B., Weniger G.-Ch.* The repeated replacement model — Rapid climate change and population dynamics in Late Pleistocene Europe // *Quaternary International* 247 (2012). 2012.

Davies, Gollop, 2003: *Davies W., Gollop P.* The Human Presence in Europe during the Last Glacial Period II; Climate Tolerance and Climate Preferences of Mid- and Late Glacial Hominids / van Andel, Tjeerd H. and Davies, William (eds.) (2003) Neanderthals and modern humans in the European landscape during the last glaciation: archaeological results of the Stage 3 Project, UK, McDonald Institute for Archaeological Research monographs. Cambridge, 2003.

Haesaerts et al., 1996: *Haesaerts P., Damblon F., Bachner M., Trnka G.* Revised stratigraphy and chronology of the Willendorf II sequence, Lower Austria // *Archaeologia Austriaca*. 1996. 80.

Haesaerts et al., 2004: *Haesaerts P., Borziak I., Chirica V., Damblon F., Koulakovska L.* Cadre stratigraphique et chrono-

logique du Gravettien en Europe Centrale // *The Gravettian along the Danube*. Dol. Vest. Stud. 11. Brno, 2004.

Joris, Weninger, 2004: *Joris O., Weninger B.* Coping with the cold: On the climatic context of the Moravian Mid Upper Palaeolithic // *The Gravettian along the Danube*. Dol. Vest. Stud. 11. Brno, 2004.

Mihailovic D., Mihailovic B., 2007: *Mihailovic D., Mihailovic B.* Considerations sur le Gravettien et l'Epigravettien ancien des Balkans de l'ouest // *PALEO*. 2007. Nr 19.

Milovice... 2009: *Milovice: site of the mammoth people below the Pavlov hills* // Ed. M. Oliva. Brno, 2009.

Novak, 2004: *Novak M.* Gravettian occupation in the lower layer of Kašov I // *The Gravettian along the Danube*. Dol. Vest. Stud. 11. Brno, 2004.

Sinitsyn, 2007: *Sinitsyn A. A.* Variabilite du Gravettien de Kostienki (bassin moyen du Don) et des territoires associes // *PALEO*. 2007. Nr°19.

Svoboda, 2004: *Svoboda J. A.* Afterwords: The Pavlovian as a part of the Gravettian mosaic // *The Gravettian along the Danube*. Dol. Vest. Stud. 11. Brno, 2004.

Svoboda, 2007: *Svoboda J. A.* The Gravettian on the Middle Danube // *PALEO*. 2007. Nr°19.

Zimov et al., 2012: *Zimov S. A., Zimov N. S., Tikhonov A. N., Chapin F. S.* Mammoth steppe: a high-productivity phenomenon // *Quaternary Science Reviews*. 2012. 57.